

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2004 г. В.М. АЛПАТОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А.И. СМИРНИЦКОГО
(К 50-летию со дня смерти)

Жизненная и научная судьба Александра Ивановича Смирницкого (1903–1954) была не очень счастливой. Он умер после тяжелой болезни в 51 год, при жизни опубликовал немного. В списке трудов [Смирницкая 2000: 132–135] прижизненных публикаций лишь около тридцати пяти, причем более половины из них приходится на последние годы жизни (1950–1954). Из них лишь две большие книги (не считая переводов): хрестоматия по истории английского языка и подготовленный под руководством Смирницкого русско-английский словарь. Только накануне смерти вышла первая в его жизни научная монография "Объективность существования языка" объемом всего в 33 страницы.

Конечно, надо учитывать объективную ситуацию в нашей стране в те годы. По сравнению со многими другими лингвистами Смирницкий находился не в самом худшем положении: он не арестовывался, не терял работу, его сочинения специально не запрещались. Но с публикациями работ по истории языка и германистике в 20-е и 30-е годы было очень сложно. «Те, кто не примкнул к стану последователей Н.Я. Марра, перешли на писание "в стол" и на устное слово. Научные доклады и лекции ценились как основная форма самовыражения и долго помнились» [Смирницкая 2000: 34]. Смирницкий, безусловно, был блестящим лектором, а его ученики отмечают импровизационный характер его лекций [Смирницкая 2000: 127]. Однако он все же не был ученым чисто устного склада, как, например, Ф. де Соссюр, чей знаменитый "Курс" основан на импровизациях у доски, записанных студентами (писать в это время Соссюр почти не мог). Это показывает деятельность Смирницкого в последние годы жизни, когда после известных выступлений Сталина по языкознанию эта наука вдруг стала приоритетной, и появилась возможность публиковаться. За короткое время ученый написал ряд важных работ, но тяжелая болезнь и смерть прервали его деятельность.

Помимо чисто внешних препятствий были и сложности, относящиеся к самой науке. По усвоенным со студенческих лет принципам Смирницкий, несомненно, принадлежал к Московской школе; характерна его неоднократная критика идей Л.В. Щербы при отсутствии прямой полемики с московскими языковедами (редкое исключение – так называемый спор о буженине с Г.О. Винокуром). Среди его учителей были такие хранители традиций Ф.Ф. Фортунатова, как В.К. Поржезинский и М.Н. Петерсон. Со студенческих или аспирантских лет он был хорошо знаком с принадлежавшими к тому же поколению и прошедшими ту же школу П.С. Кузнецовым, А.А. Реформатским, Р.И. Аванесовым и другими ведущими представителями Московской фонологической школы. Например, Кузнецов в своих недавно впервые опубликованных воспоминаниях

упоминает о том, как на квартире Смирницкого они пытались организовать лингвистический кружок и вели беседы на различные темы" [Воспоминания 2003: 191–192].

Однако полного взаимопонимания у них не получилось. А.А. Реформатский, знавший Смирницкого еще с гимназических лет, в своей итоговой работе делает акцент на научных расхождении между ним и своей школой. В одном месте он пишет о "частичном взаимопонимании" со Смирницким [Реформатский 1970: 27], а в другом, полемизируя с Ленинградской школой, указывает «Для нас, "москвичей", гораздо интереснее те разногласия, которые были у нас с С.И. Бернштейном и А.И. Смирницким, о чем будет сказано ниже» [Реформатский 1970: 12]. Последнее обещание, однако, остается невыполненным: если разногласия с Бернштейном ниже обсуждаются, то полемика со Смирницким дается лишь по единственному вопросу: резко критикуется его "пресловутый" термин "звуковая оболочка" [Реформатский 1970: 56]. Действительно, подход Александра Ивановича к фонологии имел особенности, о чем будет сказано ниже.

Но различия были и в другом. Почти все крупные московские лингвисты поколения Смирницкого, имевшие, как и он, интерес к вопросам теории, были по своей специализации русистами и фонологами. Смирницкий же еще со студенческих лет выбрал германистику, специальность, остававшуюся вне круга интересов тогдашней московской лингвистики. В Москве до Смирницкого лингвистов-германистов по существу не было. Не было таких устойчивых традиций, которые уже были в русистике и славистике. Но и в целом в поколении Смирницкого германистов, обладавших интересом к теории языка, было очень немного. При этом одни из них (М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсон) выступили в данной области с позиций "нового учения о языке"; сотрудничество с ними не могло сложиться; другие заявили о себе в лингвистике лишь в 50-е гг. (М.И. Стеблин-Каменский) Столь интересный теоретик, как И.Е. Аничков, после тюрьмы и ссылки очень мало печатался, его главные труды опубликованы лишь совсем недавно [Аничков 1997]. К тому же никто из них не работал тогда в Москве. Независимость А.И. Смирницкого как германиста и теоретика языка обрекала его в известной степени на научное одиночество.

В те годы главным полигоном разработки лингвистических методов была фонология. Лишь В.Н. Сидоров в начале 30-х гг. и П.С. Кузнецов – уже в 50-е гг. – обращались к теории грамматики. Наиболее общие вопросы (язык и речь, структура языкового знака и пр.) в целом мало интересовали Московскую школу, представители которой если и затрагивали их, то скорее по необходимости (скажем, Реформатский в начальной части своего учебника). Этим Московская школа отличалась от школы Бодуэна де Куртене (Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов). А Смирницкий, не избегая проблем фонологии, все-таки постоянно шел дальше. И, безусловно, наибольший резонанс его идеи (помимо германистики) вызывали именно в области общей теории языка и теории грамматики.

Если среди коллег позиция Смирницкого оставалась обособленной, то она нашла признание в младшем поколении лингвистов. Благодаря преданным ученикам (нельзя здесь не упомянуть В.В. Пассека) наследие Смирницкого было сохранено в очень значительной части. Его посмертные публикации по объему далеко превосходят прижизненные. В 1955–1965 гг. пять лекционных курсов ученого по английскому языку были изданы в виде монографий [Смирницкий 1955а, 1956; 1957; 1958; 1965]. При этом в книгах содержится и его общетеоретическая концепция, отчасти известная из его публикаций последних лет жизни. В какой-то степени ситуация с публикацией работ Смирницкого повторила историю издания "Курса" Ф. де Соссюра, также составленного после смерти автора на основе его лекций.

В целом прижизненные и посмертные издания ученого дают возможность представить его разработанную теоретическую концепцию как единую систему, охватывающую как общую теорию языка, так и ряд центральных проблем синхронической и диахронической лингвистики. Смирницкий, безусловно, принадлежал к ученым теоретического склада. Как было отмечено С.Б. Бернштейном на чтениях, посвященных его памяти (1 июня 1954 г.), ' по самой природе своего дарования А.И. Смирницкий не мог

ограничиться изучением какого-либо частного вопроса. В каждой области его, прежде всего, интересовали основные методологические проблемы"; цитируется по [Медникова 1968: 26].

Отметим и большой интерес ученого к вопросам лингвистической терминологии. Он не мог принять подход Н.Я. Марра и его последователей, которые работали "без сколько-нибудь систематического анализа языкового материала и без какой-либо методики доказательства", что препятствовало "развитию действительно научного изложения лингвистических проблем и выработке необходимой терминологии". "Поэтому теперь особенно важно, в частности, отнестись с должным вниманием и к лингвистическому словоупотреблению, пришедшему в запущенное состояние за годы господства марровцев с их арачьевским режимом" [Смирницкий 1954б: 10]. В работах последних лет Смирницкий много внимания уделял разработке и упорядочению лингвистических терминов, эта его деятельность оказала заметное влияние на отечественное языкознание.

Такое внимание – черта лингвистики именно XX века. Как и другие советские ученые его времени, Смирницкий никогда не относил себя к лингвистическому структурализму. Однако, безусловно, его деятельность находилась в русле общего развития мировой лингвистики после появления "Курса" Ф.де Соссюра. Это проявилось и в "удивительной, поистине математической строгости и четкости его лингвистического мышления" [Медникова 1968: 10], выделявшей его среди современников в советской науке. Это проявилось и в том, что, начиная как компаративист и историк языка, он именно в этой своей работе нашел импульс для углубленного изучения современных языков. А ведь еще в 1929 г., по свидетельству П.С. Кузнецова, «и в университете, и в аспирантуре "русским языком" считались история и диалектология его», а как строить курс "Современный русский язык", никто не представлял [Воспоминания 2003: 199]. "Неотрывность синхронии от диахронии" (при необходимости их строгого различения) была для Смирницкого исследовательским принципом, наиболее полно реализованным в последних его работах.

Он писал по этому поводу: «Язык определенной эпохи – это язык существующий и развивающийся во времени, т. е. заключающий в себя момент диахронии; сделать "поперечный разрез языка", не имеющий протяженности во времени, в принципе невозможно.... Поэтому также и синхроническое изучение единиц языка (в частности, лексических единиц) должно неизбежно проводиться во времени. При этом одни явления должны выделяться как развивающиеся, продуктивные, другие – как отмирающие или окаменевающие, третьи – как относительно стабильные, но все же все они должны быть так или иначе отнесены к развитию языка во времени, т.е. к его диахроническому аспекту» [Смирницкий 1956: 9]. То есть, во-первых, синхронию и диахронию надо различать, и правомерно как синхроническое, так и диахроническое исследование. Во-вторых, синхронию нельзя отрывать от диахронии, поскольку последняя присутствует в любом синхронном состоянии. Такая точка зрения восходила (если отвлечься от использования введенных Соссюром терминов) не столько к Соссюру, сколько к И.А. Бодуэну де Куртене, и была свойственна многим отечественным ученым поколения Смирницкого, например, Г.О. Винокуру [Винокур 1941]. Близкий взгляд был и у Р. Якобсона и других пражцев. Для этих ученых существовала синхрония как состояние языка, но не ахрония.

Если проблема синхронии и диахронии решалась у Смирницкого в соответствии с уже существовавшей в отечественной науке традицией, то другая знаменитая проблема, поставленная Соссюром, – проблема языка и речи – решалась в его работах совершенно оригинально. Специально вопросу языка и речи посвящена уже упоминавшаяся книга "Объективность существования языка". При ее малом объеме это тот случай, когда действительно "книжка небольшая томов премногих толщиелей". В СССР в 20–50-е годы мало кто писал работы, где бы специально рассматривался данный вопрос; одно из немногих исключений – известная статья Л.В. Щербы [Щерба 1931].

В те годы, после провозглашения в сталинских статьях курса на традиции русской дореволюционной лингвистики, многие языковеды ратовали за полный возврат к науке XIX века. Так считал, в частности, главный консультант Сталина по вопросам языкознания А. С. Чикобава. Смирницкий стремился опровергнуть его точку зрения, согласно которой "различение языка и речи является неверным, недопустимым". Напротив, различать речь и язык необходимо, так как в самой действительности существует соответствующее глубокое различие, и поэтому без учета этого различия языкознание не может существовать как специальная и подлинная наука, наука о языке как таковом" [Смирницкий 1954б: 12]. Тем самым Смирницкий четко определял невозможность возврата к дососсюрской науке, необходимость учитывать то, что сделано в теории языка за последние десятилетия. Безусловно, был прав М.И. Стеблин-Каменский, писавший о том, что полемика Смирницкого с Соссюром была спором внутри структурализма [Стеблин-Каменский 1957: 37].

В то же время Смирницкий высказывает свою концепцию языка и речи, отличную и от Соссюра, и от Щербы, и от многих других структуралистов, скажем, Л. Ельмслева. В концепции Соссюра, прежде всего, для него было неприемлемо положение о психичности языка у основателя структурализма «существование языка определялось как существование в психике говорящих на нем людей, поскольку же имелась в виду физиологическая основа психических явлений (в частности, ассоциативной связи смысла и звукового образа), постольку язык "помещался" в мозгу» [Смирницкий 1954б: 8]. Смирницкий при этом справедливо отмечает, что подобная точка зрения не была особенностью концепции Соссюра, она вообще была свойственна науке конца XIX – начала XX в. Такой подход Смирницкий посчитал противоречивым. "Противоречие у де-Соссюра получилось именно вследствие того, что он, различив язык и речь, всю материальную, реально звуковую, объективно данную сторону отнес к речи и сделал язык чисто психичным, но вместе с тем признал общественную природу языка" [Смирницкий 1954б: 9]. Явления мозга, конечно, объективны, но "материальность этих явлений.. сама по себе недоступна непосредственному восприятию через органы чувств в обычной обстановке человеческой деятельности" [Смирницкий 1954б: 9]. Тем самым явления в мозгу "практически не могут играть роли для установления контакта между индивидами, для общения между ними" [Смирницкий 1954б: 9–10], а, значит, не могут считаться общественным явлением. Общение происходит лишь "при условии физиологических явлений говорения и вызываемых ими звучаний, т.е. уже физических явлений во внешней среде (или при условии соответствующих явлений письменной речи)" [Смирницкий 1954б: 10]. Следовательно, если только не считать язык чисто индивидуальным явлением (против чего как раз выступал Соссюр), то он не может быть психичным.

Однако к 50-м гг. отнесение языка к психике уже не было типичным для западной лингвистики, что было известно Смирницкому. Вопрос об "объективности существования языка", еще интересовавший Соссюра, вообще был снят с повестки дня большинством направлений структурализма, что особенно четко проявилось у Луи Ельмслева. Такой подход Смирницкий рассматривал как шаг назад по сравнению с Соссюром: у Ельмслева «"языковой знак" фактически превращается в соединение "чистых" форм или "чистых" отношений, отрешенных от всякой субстанции... Понятно, что и вопрос о том, "где и как" существует язык, теряет при этом свой действительный конкретный смысл» [Смирницкий 1954б: 12]. В соответствии с принятой тогда у нас системой оценок в теории Соссюра Смирницкий видит сочетание материализма с идеализмом, а теория Ельмслева оценивается как чисто идеалистическая.

Безусловно, структурализм в ряде своих направлений развивался в сторону признания языка системой, не объективно существующей, но конструируемой исследователем; см. об этом в недавно переведенной у нас книге швейцарского историка науки о языке П. Серию [Серию 2001]. Впрочем, и за пределами СССР с этим не все были согласны, как показывает П. Серию, иначе думал Н. Трубецкой; показательны и споры

внутри дескриптивизма, которые получили название споров сторонников "божьей правды" и "фокус-покуса".

Отвергая точки зрения Соссюра и Ельмслева, Смирницкий приходит к выводу о том, что "язык... есть один из ингредиентов речи, притом важнейший, так как именно он придает ей характер специфической деятельности человека, отличной от других видов его деятельности" [Смирницкий 1954б: 13]. «Но хотя звуковая материя речи принадлежит языку и не может быть отторгнута от него, тем не менее, нельзя сказать, что эта материя полностью относится только к языку и ее не имеет в том "остатке", который мы получаем, извлекая язык как таковой из речи. Все то в звучании речи, что является случайным, побочным или дополнительным с точки зрения языка как важнейшего средства общения людей, принадлежит этому остатку, а не самому языку. Сюда относятся случайные ошибки в произношении, особенности голоса и пр.» [Смирницкий 1954б. 14]. Сюда же относятся особенности поэтической речи. При этом «"сверхязыковой остаток" речи включает в себя и индивидуальные, и общественные моменты, в отличие от де-соссюровской речи – *parole*, которая определяется как явление целиком индивидуальное» [Смирницкий 1954б: 15].

И язык, и речь, согласно Смирницкому, обладают собственными единицами. Если слова в большинстве случаев – единицы языка, то "конкретные предложения, т.е. предложения, состоящие из определенных данных слов и имеющие определенное данное строение, являются как таковые, как целые вообще *единицами речи*, а не единицами языка" [Смирницкий 1954б: 18]. Однако нет взаимно однозначного соотношения между теми или иными структурными единицами и единицами языка или речи. В связи с этим вводится важное разграничение воспроизводимых (имеющихся в языке) и производимых (создающихся в речевом произведении) единиц. Об этом разграничении Смирницкий писал в нескольких публикациях; см., в частности [Смирницкий 1954а: 4–6]. Слова, как правило, воспроизводимы, но это не всегда так, например, в отношении неологизмов. Приводя слово *бутылочноглазый* из стихотворного фельетона В. Дыховичного и М. Слободского, Смирницкий пишет: "*Бутылочноглазый* определяется как *слово* (не морфема, не фразеологическая единица и пр.), и в частности, как русское слово (т.е. не польское, не немецкое, не французское и пр.), но это еще не значит, что оно *существует* в русском языке, так как существование в языке – это общественное применение, регулярное воспроизведение в общественном масштабе" [Смирницкий 1954б: 17–18]. С другой стороны, фразеологизмы воспроизводимы, а свободные сочетания слов производимы. В другой работе говорится и о "предложениях, входящих в систему языка" [Смирницкий 1956: 228–229]. Для английского языка это, например, *How are you?* "Как поживаете?", *What's the time?* "Который час?".

Хотя прямо Смирницкий полемизирует лишь с Соссюром и Ельмсловом (причем с последним лишь через пересказ О.С. Ахмановой), но его идеи могут быть сопоставлены и с другими концепциями языка и речи в данный период развития лингвистики. Его концепция, безусловно, отличается и от идей Л.В. Щербы, который, полемизируя с психологизмом, колебался между идеей существования языка в языковом материале (текстах) и идеей конструирования языка лингвистом на основе этого материала. Она прямо противоположна концепции книги "Марксизм и философия языка" В.Н. Волошинова и/или М.М. Бахтина, где "объективность существования языка" прямо отрицалась, но из этого делался вывод, что "лингвистика языка" вообще применима лишь для решения узких прикладных (в частности, педагогических) задач и не раскрывает суть речевого общения [Волошинов 1993: 71–74]. Не знаем, была ли эта книга известна Смирницкому, но Бахтин, продолжая в 50-е гг. в Саранске выяснять теоретические проблемы языка и речи, из современных советских работ обратил внимание именно на "Объективность существования языка" [Бахтин 2001: 26]. Ближе идеи Смирницкого к идеям члена Пражского кружка Й. Коржинка, для которого язык – та же речь, но рассмотренная на более абстрактном уровне [Коржинек 1967]. Однако и тут мы видим лишь частичное сходство концепций: никакого "сверхязыкового остатка" у чешского лингвиста нет.

В то же время, как нам представляется, идеи московского теоретика лингвистики более всего сходны с идеями, выдвинутыми в 30-е гг. видным английским лингвистом (египтологом по основной специальности) сэром Аланом Гардинером. Они были в 1932 г. высказаны в книге "Теория речи и языка" [Gardiner 1932], см. также его статью, имеющуюся и в русском переводе [Гардинер 1960]. Этот ученый нигде у Смирницкого не упоминают. Тогда не поощрялось цитирование не издававшихся по-русски зарубежных авторов, особенно теоретиков; к изданному в СССР Соссюру это не относилось. Однако книга Гардинера была в домашней библиотеке Смирницкого, и он ее, несомненно, хорошо знал.

Гардинер, например, писал: «Язык . функционирует в речи и главным образом для этой цели он существует. Когда я говорю, что определенные явления в данном тексте принадлежат "речи", но не "языку", я разумею, что, если вы исключите из текста все те традиционные элементы, которые следует называть элементами языка, получится остаток, за который говорящий несет полную ответственность, и этот остаток и является тем, что я понимаю под "фактами речи"» [Гардинер 1960: 16]. То есть идея о том, что речь есть язык плюс "сверхязыковой остаток", является общей для Гардинера и Смирницкого. У Гардинера есть и другие сходные идеи: об отнесении предложения к речи, а не языку, о воспроизводимых и производимых единицах, об общественном характере не только языка, но и речи. О концепции Гардинера подробнее см. наши публикации [Алпатов 1999; 2002].

Впрочем, между Смирницким и повлиявшим на него английским ученым есть и одно существенное различие. Даже в названии книги Гардинера, явно полемически, термин "речь" поставлен на первое место. Ученый стремился дополнить созданную Соссюром теорию языка столь же разработанной теорией речи. Для Смирницкого же, как и для Соссюра, важен, в первую очередь, язык. Он пишет: "Язык неизбежно изучается в речи ... Но вместе с тем язык обязательно должен отделяться, отграничиваться, обособляться от речи и отдельных ее произведений, не отождествляться, не смешиваться с ними. Речь, в тех или иных ее произведениях, выступает как сырой материал исследования, язык же – как собственно предмет изучения, извлекаемый из этого материала" [Смирницкий 1954б: 19–20]. Более того, Смирницкий указывает: «вряд ли можно говорить о какой-либо "лингвистике речи"» [Смирницкий 1954б: 22]. Этим он отличался и от Соссюра, который упоминал о существовании такой лингвистики, хотя соответствующую лекцию так и не прочел.

Можно найти некоторую переключку между Смирницким и еще одной теорией, появившейся уже в 60-е гг. "Лингвистическая теория имеет дело, в первую очередь, с идеальным говорящим-слушающим, существующим в совершенно однородной речевой общности, который знает свой язык в совершенстве и не зависит от таких грамматически несущественных условий, как ограничения памяти, рассеянность, перемена внимания и интереса, ошибки (случайные или закономерные) в применении своего знания языка при его реальном употреблении.... Для того чтобы изучить реальное языковое употребление, мы должны рассматривать взаимодействие многих факторов, а лежащая в его основе компетенция говорящего-слушающего является только одним из них" [Хомский 1972: 9]. Мы, разумеется, не хотим отождествлять разграничение языка и речи у Смирницкого (как и у Соссюра) с разграничением компетенции и употребления у Хомского. Но и понимание компетенции как важнейшего из факторов употребления, и отнесение к той части употребления, которая не входит в компетенцию, примерно тех же явлений, которые относил к "сверхязыковому остатку" Смирницкий, – все это, как нам кажется, не случайные совпадения (при том, что, разумеется, Хомский вряд ли когда-нибудь слышал о русском ученом).

Язык, понимаемый указанным выше образом, не должен смешиваться ни с речью, ни с *langue* в смысле Соссюра. Последнее явление также существует, но это не сам язык, а "лишь отпечатки отображения языка в сознании говорящих на нем, владеющих им" [Смирницкий 1954б: 23].

Безусловно, в общей концепции ученого большое место занимала теория грамматики. Пожалуй, наибольшую известность среди теоретических работ ученого получил цикл из трех дополняющих друг друга статей, в центре внимания которых находится проблема слова, рассматриваемая в различных аспектах: не только в грамматических, но и в лексикологических [Смирницкий 1952; 1954а; 1955б]. Основные положения статей затем были включены и в книги по английскому языку.

Смирницкий сохранил традиционную точку зрения о слове как главной единице языка. Он писал: «Не случайно человеческий язык нередко называют языком *слов*: ведь именно *слова*, в их общей совокупности, как словарный состав языка, являются тем "строительным материалом", без которого немислим никакой язык; и именно *слова* изменяются и сочетаются в связной речи по законам грамматического строя данного языка... Поэтому слово должно быть признано вообще основной языковой единицей: все прочие единицы языка (например, морфемы, фразеологические единицы, какие-либо грамматические построения) так или иначе обусловлены наличием слов и, следовательно, предполагают существование такой единицы, как слово» [Смирницкий 1955б: 11]

В те годы такой подход продолжал господствовать в европейской науке, хотя американский дескриптивизм все более отказывался от идеи о центральной роли слова, а иногда и не выделял слово вообще. Это было связано с неудачами многочисленных попыток строго определить, что такое слово. Смирницкий пишет об этом: "В общем, понятие слова остается одним из наименее определенных лингвистических понятий. У отдельных языковедов сложилось даже явно скептическое отношение к вопросу об определении слова, очень же многие, теоретически не отказываясь от определения, в практике своей научной работы пренебрегают каким-либо точным определением... и рассматривают то или иное языковое образование как слово или неслово, либо исходя из традиции (отраженной в орфографии), либо из непосредственного восприятия каждого данного случая" [Смирницкий 1954а: 183].

Не желая ограничиваться опорой на традицию или "непосредственное восприятие", ученый все-таки старался сохранить понятие слова в его традиционных границах. "Слово с лексической точки зрения не есть какой-то обрубок. Слово *окно*, как лексема, как единица словаря, есть все же *окно* или, в известных случаях, *окна́, окну, окна* и пр., но не *окн-*" [Смирницкий 1955б: 14]. Смирницкий последовательно старался изгнать психологизм из научного анализа, однако, нетерминологическое слово "обрубок" имеет, как нам представляется, психологические корни. Заранее отвергается любой подход, при котором "обрубок" будет рассматриваться в качестве слова. А, как мы увидим ниже, некоторые аспекты слова, согласно концепции Смирницкого, можно было бы рассматривать подобным образом, если бы не их интуитивная неприемлемость.

Смирницкий исходит из универсальности признаков слова для любого языка, критикуя в связи с этим точку зрения Щербы, считавшего, что «понятия "слова вообще" не существует», поскольку "в разных языках это будет по-разному" [Щерба 1945: 175]. На это он возражает: «Если "слово" будет совершенно разными единицами в разных языках, то почему вообще эти разные единицы можно называть словом?» [Смирницкий 1952: 183].

Однако, чтобы найти такие универсальные признаки, надо разграничить разные аспекты слова, часто смешиваемые. Ученый в начале первой из статей ставит две проблемы, получающие названия "проблемы отдельности слова" и "проблемы тождества слова". В первом случае рассматривается, "что такое *одно отдельное слово* в каждом данном случае его употребления в связной речи". Во втором случае говорится о том, "что такое *одно и то же, то же самое слово* в различных случаях его употребления" [Смирницкий 1952: 184]. Используя термины, не применяемые Смирницким, можно сказать, что в первом случае идет речь о синтагматике слова, во втором – его парадигматике. Каждой проблеме посвящена специальная статья.

В проблеме отдельности слова в свою очередь выделены два вопроса: "а) вопрос *выделимости слова*, представляющий собой между тем вопрос о *различии между словом и частью слова* (компонентом сложного слова, основой, суффиксом и пр.); и б) вопрос *цельности слова*, являющийся вместе с тем вопросом о *различии между словом и словосочетанием*" [Смирницкий 1952: 187]. Эти два вопроса разбираются отдельно. При этом очень показательно, что с самого начала ученый выделяет класс "наиболее типичных и несомненных" слов, характеризуемых "наиболее ясной и четкой выделяемостью", но одновременно и "наибольшей цельностью, монолитностью": *дом, стол, квадрат, мал, теперь, стой, нес* и др. [Смирницкий 1952: 188]. Можно видеть, что в статье нигде принадлежность этих единиц к словам никак не доказывается. Выражаясь по-современному, определяется прототипический класс слов, а далее словом Смирницкий называет то, что можно по тем или иным критериям приравнять к этому классу. Здесь он по сути лишь уточняет традиционный подход, используемый в русской и западной науке для "своих" (не для "экзотических") языков: выделение ядерного класса слов основано на интуиции, а в спорных случаях необходимо прибегать к строгим критериям. Это хорошо видно из того, в каких случаях идут споры по вопросу о слитном и раздельном написании и выдвигаются те или иные аргументы, а в каких случаях споров не возникает. Однако в соответствии с принятым в те годы подходом Смирницкий избегал прямых апелляций к психологии и интуиции.

К тому времени было уже достаточно ясно, что фонетические и чисто семантические критерии очень часто расходятся с привычным выделением слов, поэтому Смирницкий их закономерно отвергает. Главным из выдвигаемых им критериев отграничения слова от части слова оказывается критерий остаточной выделяемости.

Этот критерий заключается в том, что остатки, получаемые в предложении после выделения в нем несомненных слов, также следует приравнять к словам. Например, в предложении *Глухой глухого звал на суд судьи глухого* несомненно относятся к словам шесть отрезков за исключением попадающего в остаток отрезка *на*. Исходя из установленного критерия, мы считаем этот отрезок также словом. Критерий может быть и отрицательным: например, в слове *овцебык* компонент *овце*, безусловно, не слово, следовательно, и компонент *бык* в данном случае – часть слова, пусть омонимичная целому слову.

Для отграничения слова от словосочетания используется другой критерий – критерий *цельнооформленности*. "Цельнооформленность слова выявляется в специфических особенностях внутреннего строения слова сравнительно со строением словосочетания, которые определяются меньшей законченностью и оформленностью частей слова сравнительно с частями словосочетания, т.е. с отдельными словами" [Смирницкий 1952: 197]. Например, *седобородый* имеет единое грамматическое оформление, это слово, а равнозначное ему *седой бородой* такого оформления не имеет, это словосочетание.

Упоминается и другой критерий – критерий *идиоматичности*: "невыводимость значения целого языкового образования может быть названа *идиоматичностью* данного языкового образования" [Смирницкий 1952: 199]. Не обладающая данным свойством единица, "по-видимому, не входит как готовая единица в словарный состав... языка" [Смирницкий 1952: 199], то есть относится к производимым единицам, тогда как идиоматичные единицы воспроизводимы. Смирницкий указывает, что в целом *цельнооформленность* и *идиоматичность* совпадают друг с другом, но они могут расходиться в обе стороны: то же *седобородый* не идиоматично, хотя *цельнооформленно*, а *железная дорога* – идиоматичная последовательность, не обладающая *цельнооформленностью*, не слово, а словосочетание. Тем самым два выдвинутых критерия работают для разных целей: слово отличается от словосочетания *цельнооформленностью*, а воспроизводимая единица от производимой – *идиоматичностью*.

Данная статья Смирницкого оказала значительное влияние на советскую лингвистику. Термин "*цельнооформленность*" стал распространенным. Ю.Д. Апресян назвал данный критерий "исключительно тщательно разработанным" и "самым серьезным"

из предлагавшихся критериев выделения слова [Апресян 1966: 13]. Но он же указывает: этот критерий "дает основание для конструктивного выделения слова в небольшой группе языков преимущественно флективного строя, таких, как русский или латынь. Материалы других языков ясно показывают ограниченный и частный характер учения А.И. Смирницкого" [Апресян 1966: 13]. Действительно, скажем, широко распространенное в языках мира явление так называемого группового оформления плохо согласуется с критерием цельнооформленности. И для русского языка этот критерий иногда требует дополнения другими, например, критерием ударения. См. приводившийся В.М. Жирмунским пример: признать *высокообразованный* (или *высоко образованный*) одним или двумя словами только на основе критерия цельнооформленности нельзя [Жирмунский 1963: 32].

Вопрос о разграничении сложного слова и словосочетания был подробно на примере английского языка разработан Смирницким в статье, написанной совместно с О.С. Ахмановой [Смирницкий, Ахманова 1952]; ее текст вошел и в посмертную книгу [Смирницкий 1956: 114–135]. Здесь детально рассмотрены последовательности типа *stone wall* "каменная стена", которые могут трактоваться и как сложные слова, и как словосочетания. И оказывается, что проблема не получает однозначного решения: "Эти образования в современном английском языке оказываются находящимися в противоречивом положении, в состоянии неустойчивого равновесия: они колеблются между словосочетаниями... и сложными словами... и осмысляются как те или другие в зависимости от обстоятельств" [Смирницкий, Ахманова 1952: 116]. Критерий цельнооформленности в данном случае не оказался действенным.

Что касается отграничения слова от части слова, то эта проблема у Александра Ивановича оказывается прямо основанной на интуиции. Здесь, как уже было сказано, он опирался на традицию, но эта традиция всегда плохо работала для языков, отличным по строю от европейских. Например, простое японское предложение со значением *Он читает книгу* различными русскими или западными японистами могло записываться с точки зрения слитного, раздельного и дефисного написания по крайней мере восемью способами [Пашковский 1968]; каждый из этих способов отражал особое представление о японском слове.

Можно предъявлять Смирницкому претензии в том, что он был ограничен в количестве привлекаемых к рассмотрению языков (хотя в этом смысле он был шире некоторых современников, строивших теории на материале одного русского языка: он всегда учитывал и западные языки, которыми занимался). Определенный европоцентризм, безусловно, у Смирницкого заметен, как и у многих других его современников у нас и на Западе. Но в данном случае главное не в этом. По-видимому, сама проблема строгого определения слова принципиально не поддается решению. В 50-е гг. И.Е. Аничков анализировал 34 определения слова и все был вынужден признать в той или иной степени неудовлетворительными [Аничков 1997: 228–229] (кстати, собственная точка зрения Аничкова близка к точке зрения Смирницкого). Конечно, этот перечень – далеко не исчерпывающий, хотя можно заметить, что в последнее время интерес к данной проблеме намного уменьшился. В рамках же поставленной задачи подход Смирницкого был одним из наиболее строгих и продуктивных.

Другая проблема – проблема тождества слова, затронутая ученым не только в статье, специально ей посвященной, но и в статье "Лексическое и грамматическое в слове". В отличие от проблемы отдельности слова, которая, согласно Смирницкому, стоит и в отношении воспроизводимых, и в отношении производимых единиц, эта проблема естественно связана с воспроизводимостью: лишь в случае воспроизведения слова встает вопрос о том, одно это слово или это разные слова.

Смирницкий четко указывает на то, что традиционное понятие слова неоднородно: слово как единица грамматики и слово как единица лексики – не то же самое. "Грамматическое изменение слова, т.е. существование слова в виде различных его грамматических форм, не нарушает тождества слова, так как оно лежит в иной плоскости, в области грамматического строя, а не словаря, не лексики, и не затрагивает частного и

конкретного в слове. Поскольку слово рассматривается с лексической точки зрения, постольку, разумеется, происходит отвлечение от различных грамматических моментов, связанных с данным словом" [Смирницкий 1955б: 13–14]. В статье о тождестве слова от собственно слова как единицы лексики отграничена особая единица, названная глоссой "Под *глоссой* мы будем здесь понимать любую языковую единицу, представляющую собой одно определенное *слово* в том или другом его *варианте* (если данное слово имеет варианты) и в одной определенной *грамматической форме* (или же – в единственном его оформлении, если данное слово грамматически не изменяется)" [Смирницкий 1954а: 12].

В следующей статье, опубликованной уже посмертно, меняются терминология и отчасти сами понятия: нет термина "глосса", но появляются другие термины: "словоформа" и "лексема". "Когда мы берем слово *дом* именно как слово – единицу лексики, как *лексему*, мы отвлекаемся от того, что *дом* как таковое представляет собой лишь определенную *форму* данного слова .. В качестве лексемы данное слово в одинаковой мере является данным словом в любой своей грамматической форме" [Смирницкий 1955б: 14]. "Реальными языковыми единицами, если отвлечься от варьирования слова и от слов неизменяемых, являются в речи такие единицы, как *дом, дому, городу, парусом* и пр., которые можно назвать *словоформами* (т.е. конкретными словами в определенных грамматических формах) Чтобы выделить в словоформах лексическое, т.е. основное для слова как единицы словарного состава языка, иначе говоря, – чтобы в словоформах увидеть именно конкретные слова как таковые, а не отдельные их грамматические формы, необходимо, следовательно, *отвлечься* от грамматического момента в каждой словоформе, представляющей собой одно и то же слово, и произвести соответствующее обобщение" [Смирницкий 1955б: 15].

Впрочем, термин "словоформа" присутствует и в предыдущей статье: "под *словоформой*, понимается, следовательно, *данное слово в данной грамматической форме*, или данная грамматическая форма данного слова. Или еще иначе: та или иная глосса или совокупность глосс данного слова как представляющая определенную грамматическую форму слова, т.е. определенную морфологическую единицу грамматического строя языка" [Смирницкий 1954а: 18–19]. То есть варианты слова в той или иной грамматической форме – разные глоссы, но одна словоформа. Разница, однако, во-первых, в появлении в посмертной статье термина "лексема", во-вторых, в акценте на разных терминах. В статье 1954 г. говорится, прежде всего, о глоссах, а словоформы упомянуты лишь попутно, в статье 1955 г. сказано о словоформах, но не о глоссах.

Итак, вопрос о том, являются ли *дом* и *дому* одним или двумя словами, получает разный ответ в зависимости от того, как понимать слово. Это традиционное понятие в статье 1954 г. делится на три: глоссу, словоформу и слово, а в статье 1955 г. – на два: словоформу и лексему. Термин "лексема" уже существовал, но получил у Александра Ивановича четкое определение, термин "словоформа" был им изобретен. *Дом* и *дому* – две словоформы (и глоссы), но одна лексема. Это разграничение и сами термины, может быть, самый бесспорный вклад ученого в лингвистическую теорию: они постоянно воспроизводятся в нашей научной и учебной литературе. В то же время термин "глосса" и соответствующее понятие, а также еще один введившийся Смирницким термин "типоформа" у нас не прижились.

При этом, однако, возникает одна проблема. Разные словоформы одной лексемы обладают общей частью – основой, различаясь аффиксами. Почему не считать лексемой только основу? Такой подход в некотором отношении проще: не надо ни от чего отвлекаться. Подобная точка зрения предлагалась, например, Ш. Балли [Балли 1955: 316]. Однако Смирницкий отказывается так считать. Единственная его аргументация – уже приводившиеся слова об "обрубке", которым не может быть лексема. Можно предположить, что, как и в случае границ слова, неявным образом ученый апеллировал здесь к психологии и интуиции, от которых в теории стремится отказаться. Но надо учитывать и то, что идея о грамматической оформленности лексемы хорошо сочетается с его концепцией конверсии, о которой речь пойдет ниже.

Вопросы тождества слова не сводятся только к различию словоформы и лексемы. Подробно рассмотрены также разного рода варианты лексем: лексико-семантические, фонетические, словообразовательные, грамматические, а также стилистические варианты (вроде *молодой* – *младой*) [Смирницкий 1954а: 25–28].

В третьей статье также специально рассмотрены вопросы соотношения лексических и грамматических аспектов слова. Вопрос о разграничении лексического и грамматического активно обсуждался в русской и советской лингвистике еще до Смирницкого, точки зрения бывали различными. Смирницкий, в частности, полемизирует с Л.В. Щербой (точку зрения которого отчасти разделял В.В. Виноградов). Согласно этому подходу, «лексическое является особенным, специальным, ограниченным, а грамматическое – общим, продуктивным, "живым"» [Смирницкий 1955б: 51]. С этой точки зрения склонение местоимений или спряжение неправильных глаголов – факт словаря. Однако, как указывал Смирницкий, "и здесь мы имеем дело с таким же *по существу* явлением, как и при регулярном словоизменении"; "в обоих случаях мы находим те же самые дополнительные значения..., сопровождающие основное вещественное значение каждого данного слова, и соответствующие различия между отдельными образованиями выступают и там и здесь как различия между формами в пределах одного и того же слова" [Смирницкий 1955б: 52]. С этой точки зрения, к грамматике относятся не только аффиксация, но и грамматически значимое чередование звуков, и супплетивизм (хотя последний относится и к лексике). Здесь Смирницкий, безусловно, связан с традициями Московской школы, стремившейся внешне разнородные явления рассматривать в единой системе.

Однако нерегулярность выражения входит в грамматику лишь в том случае, когда нерегулярные образования входят в единую систему с регулярными. Если же этого нет, то это уже лексика, а не грамматика. Так, в паре *супруг* – *супруга* нельзя говорить о регулярности выражения соответствующего различия по значению, "в совокупности языковые факты достаточно характеризуют соотношение *супруг* – *супруга* как словообразовательное, следовательно, лексическое, а не грамматическое" [Смирницкий 1955б: 25]. Сближая словообразование с лексикологией, Смирницкий также следовал идеям Московской школы, в отличие от В.В. Виноградова и др., сближавших словообразование с грамматикой.

Словообразовательный способ, рассмотренный в нескольких работах ученого, – образование слов с помощью изменения парадигмы; этот способ назван конверсией. Особенно широко распространена конверсия в аналитических языках, в частности, в английском. Проблема конверсии также связана с разграничением лексического и грамматического и относится не только к словообразованию, но и к грамматике, в том числе к проблеме частей речи. Рассматривая английские *love* "любить" и *love* "любовь" как разные слова, Смирницкий спорил с альтернативной точкой зрения, видевшей здесь переход того же самого слова из одной части речи в другую или употребление слова в функции разных частей речи. Он указывал, что два *love* надо брать не изолированно, а в совокупности их форм, которые большей частью не совпадают; там же, где эти формы совпадают, мы имеем дело с омонимией [Смирницкий 1956: 71–75]. Смирницкий исходил здесь из точки зрения, вообще свойственной Московской школе, согласно которой каждое слово в любой из своих форм может относиться лишь к одной части речи. Концепция конверсии получила широкое распространение среди советских специалистов по разным языкам. Такой подход естествен применительно к синтетическим языкам вроде русского, применим и к обладающему словоизменением английскому языку, хотя здесь распространены и иные точки зрения. В то же время попытки применить точку зрения Смирницкого к лишенным словоизменения языкам вроде китайского не оказались продуктивными.

Еще одна проблема словообразования, рассмотренная Смирницким в специальной статье [Смирницкий 1948] (см. также [Смирницкий 1956: 59–64]), связана с трактовкой морфемного членения слов с уникальными основами или суффиксами (спор Александра Ивановича с Г.О. Винокуром иногда называют "спором о буженине"). Г.О. Вино-

кур признавал существование уникальных суффиксов вроде *-тух* в *пастух*, но отрицал членение на морфемы основ таких слов, как *малина*, *смородина*, *буженина*, поскольку элементам *мал* или *смород* нельзя приписать никакого значения [Винокур 1946]. По этому поводу Смирницкий пишет: "Если '-ин-' в рассматриваемых основах значит *ягода*, то очевидно, что 'мал-' и 'смород-' значат *то и в малине и смородине, соответственно, что отличает эти ягоды друг от друга и от прочих ягод*. Из того, что значения звуковых отрезков *мал-* и *'смород-* трудно определимы словами, еще не следует, что этих значений не существует" [Смирницкий 1956: 62]. Концепция Смирницкого (как он сам отмечал) в отличие от концепции Винокура позволяет объяснить явление так называемого обратного словообразования вроде русского *зонт* от *зонтик* или английского *to chauffe* "возить в автомобиле" от *chauffeur* "шофер". По этому поводу Ю. Д. Апресян, сравнивая две, казалось бы, альтернативные точки зрения, отмечал, что концепция Смирницкого предпочтительнее, так как упомянутые выше факты непридуманно объясняются теорией А. И. Смирницкого" [Апресян 1966: 94]. Апресян указывал и то, что Смирницкий исходил здесь из той же точки зрения, что и западные структуралисты его времени, в частности, дескриптивисты [Апресян 1966: 93].

Если в области грамматики и словообразования в середине XX в. уже можно было говорить о достаточно разработанных методах, то лексикология в целом еще находилась далеко от этого. Характерно, что книга "Лексикология английского языка" в значительной части посвящена вопросам, пограничным между лексикологией и грамматикой, а также вопросам словообразования. В то же время Смирницкий ставил вопросы, касающиеся лексической системы языка. Он справедливо отмечал, что современный ему «лексиколог подробно останавливается на архаизмах, выискивает различные окаменелости, рассказывает о поразительных сдвигах значения отдельных слов, — но о скромных исконных словах данного языка, издавна выражавших в нем такие простые, но вместе с тем существенные понятия, как "видеть", "лежать", "стоять", "ходить", "делать", "красный", "синий", "огонь", "вода", "дерево" и т.п., лексиколог обычно говорит очень немного (если вообще говорит что-нибудь) и то лишь мимоходом. И это понятно: подобные слова большею частью малопригодны или вовсе непригодны как примеры описываемых явлений. А между тем, разумеется, если такие наиболее широко распространенные и часто употребительные слова оставлять без особого внимания, то нечего и думать о действительной характеристике данной лексики, о выявлении ее существенных особенностей» [Смирницкий 1955б: 6–7]. При этом ученый специально оговаривает, что речь идет не об этимологии, а о синхронном изучении лексики. Здесь Смирницкий не был одинок: сходные оценки были, например, у М. Н. Петерсона [Петерсон 1940: 1]. Однако в середине XX в. проблеме системного описания базовой лексики можно было только ставить, для ее решения еще не пришло время. Отметим и такое справедливое для того времени высказывание: «Поскольку семасиология, как известно, разработана гораздо менее тщательно, чем другие разделы языкознания, постольку необходимый семасиологический анализ сопоставляемых единиц до сих пор нередко производится более или менее "кустарно", часто основывается просто на "здравом смысле"» [Смирницкий 1956: 161–162].

И все-таки кое-что и здесь было сделано. Отметим, в частности, детальный анализ омонимии в английском языке и разработку принципов ее классификации [Смирницкий 1956: 159–173], выделение ряда семантических классов слов [Смирницкий 1956: 174–198], классификацию фразеологизмов [Смирницкий 1956: 210–225]. И, безусловно, очень многие вопросы лексической семантики разрабатывались им во время работы над "Русско-английским словарем" [Русско-английский 1948].

Менее всего публиковался Александр Иванович как раз по вопросам фонологии, приоритетным для многих его современников, хотя в его архиве сохранились рукописи на эти темы. Более всего известны его работы по исторической фонологии английского языка, в книге "Древнеанглийский язык" имеется особый раздел. Теоретическая концепция в опубликованных работах изложена лишь в виде фрагментов, которые, в частности, показывают его теоретические расхождения с Московской

фонологической школой. Так, в "Лексикологии английского языка" говорится: "Отдельные звуки речи, даже и выступающие в качестве фонем, не могут быть признаны единицами языка в том же смысле этого термина, так как отдельный звук сам по себе *не обладает значением*: нельзя, например, сказать, каким значением обладает звук [h] в слове *house*. Когда говорят, что слова или морфемы делятся на звуки (фонемы), делают неправомерный скачок, так как переходят от единиц, представляющих единство внешней, звуковой и внутренней, смысловой стороны, к единицам, не представляющим такого единства, являющимся частями только внешней, звуковой стороны. Слово или морфема не делится на звуки (фонемы): разложима на звуки (фонемы) только внешняя, материальная оболочка того или другой (если, разумеется, эта оболочка образована не одним звуком). Из сказанного следует, что звуки не представляют собой языковых единиц... Звуки – ...*единицы в строении языковых единиц*" [Смирницкий 1956: 13–14].

Здесь видна скрытая полемика со смыслоразличительной концепцией фонемы, свойственной и Московской, и Пражской школам. Может быть, чем-то такой подход ближе к пониманию фонемы у дескриптивистов или к "фигурам" в глоссематике. Недаром А.А. Реформатский выступил так резко против термина Смирницкого "звуковая оболочка", не став, однако, полемизировать с ним по существу вопроса. Впрочем, данное расхождение касается лишь самых общих вопросов, а конкретная методика выделения фонем могла у Смирницкого и московских фонологов быть и той же самой.

Мы не можем здесь остановиться на всех теоретических проблемах, содержащихся в не столь уж обширном наследии Александра Ивановича Смирницкого. Что-то, вероятно, нами упущено. И, конечно, всегда в такого рода обзорах есть большая доля субъективности: одни будут считать самым важным в деятельности ученого одно, другие – другое. В нашу задачу не входило исследование вклада ученого в германистику, об этом много и хорошо говорится в недавней книге его дочери Ольги Александровны Смирницкой.

Как и большинству отечественных лингвистов, "Смирницкому не удалось пересечь границы" [Смирницкая 2000: 120]. Лишь в 1990 г. эмигрировавший из СССР германист А.С. Либман сумел опубликовать в журнале "General linguistics" одну из его статей и некоторые сведения об авторе, совсем не известном читателям журнала.

Иной оказалась судьба наследия ученого в его собственной стране. Его имя получило широкую известность не только среди германистов, но и среди специалистов по самым разным языкам. В представленной в Институт востоковедения АН СССР в конце 70-х гг. докторской диссертации по индологии даже говорилось о "гении Смирницкого". Многие из предложенных им понятий и терминов прочно закрепились в нашей науке, достаточно назвать "словоформу", "цельнооформленность", "конверсию", да и не всеми принимаемую "звуковую оболочку". Впрочем, как выше мы отмечали, не все предложенные Смирницким термины прижились.

Многие идеи Смирницкого продолжали развиваться. Во второй половине 50-х гг. в советскую науку о языке вошло новое поколение ученых, работавшее уже вполне открыто и осознанно в структурной парадигме (некоторые из них успели поучиться у Александра Ивановича в студенческие годы, но известность в науке получили уже после его смерти). Обычно они невысоко ставили предшествовавшее "традиционное" советское языкознание, однако к идеям Смирницкого относились с большим вниманием. Оценки Ю.Д. Апресяна мы уже приводили. А вот так писал И.И. Ревзин: "У ряда выдающихся представителей традиционной лингвистики способ мышления не очень отличался от математического (в качестве одного из последних представителей этой традиции следует назвать А.И. Смирницкого, а еще раньше – Ф.Ф. Фортунатова, Л.В. Щербу и А.М. Пешковского, у которых мы находим логическую стройность изложения, еще не достигнутую лингвистами, применяющими логико-математические методы)" [Ревзин 1967: 22].

Примером книги, активно развивающей идеи Смирницкого, может служить известный труд А.А. Зализняка "Русское именное словоизменение". Глава первая "Исход-

ные положения" [Зализняк 1967: 19–34] во многом представляет собой развитие и значительное уточнение идей Смирницкого. Противопоставление словоформы и лексемы развивается за счет дополнительного введения понятий конкретного и абстрактного сегмента и разграничения конкретных и абстрактных словоформ. Также используются идеи Александра Ивановича о парадигме, типах грамматических категорий, грамматической форме, грамматических разрядах слов и т. д.

Влияние идей Смирницкого в нашей стране было очень значительным в 50–70-е гг., потом оно уменьшилось, прежде всего, в связи с тем, что изменились приоритеты. Важнейшие для Смирницкого вопросы теоретической грамматики, как и вопросы фонологии, отошли на задний план по сравнению с семантикой и синтаксисом, а противопоставление языка и речи уже перестало быть столь важным, как это было до Хомского. Однако многие его идеи продолжают жить и могут быть еще востребованы в будущем.

Из отзывов современников о Смирницком приведем еще два. В.А. Звегинцев: "Он обладал редким логически точным лингвистическим мышлением. Взяв обычное и, казалось бы, всем хорошо известное языковое явление, он умел последовательным анализом вскрыть в нем совершенно неожиданные стороны и представить его как совершенно новое"; цитируется по [Медникова 1968: 8–9]. А.А. Реформатский: "А.И. Смирницкий смог не только дать ряд основополагающих решений по отдельным вопросам языкознания, но и выработать единую систему лингвистических взглядов" [Реформатский 1954: 573].

Хотелось бы сказать еще об одном. Труды Александра Ивановича по теории языка давно не переиздавались. Стоило бы это сделать.

Автор приносит благодарность О.А. Смирницкой, прочитавшей статью в рукописи и высказавшей важные замечания, которые мы постарались учесть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллатов 1999 – В.М. Аллатов. Алан Гардинер – теоретик языкознания // Древний Египет: язык – культура – сознание. М., 1999.
- Аллатов 2002 – В.М. Аллатов. Из истории лингвистики: Гардинер и Волошинов // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т.Ю. Ждановой. М., 2002.
- Аничков 1997 – И.Е. Аничков. Труды по языкознанию. СПб., 1997.
- Апресян 1966 – Ю.Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
- Балли 1955 – Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Бахтин 2001 – М.М. Бахтин. Язык и речь // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2001. № 1.
- Винокур 1941 – Г.О. Винокур. О задачах истории языка // Уч. зап. Московского городского пед. ин-та. Т. V. М., 1941.
- Винокур 1946 – Г.О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию // ИАН СЛЯ. 1946. № 4.
- Волошинов 1993 – В.Н. Волошинов. Марксизм и философия языка // Бахтин под маской. Маска третья. М., 1993 (первое издание – 1929).
- Воспоминания 2003 – Воспоминания П.С. Кузнецова // Московский лингвистический журнал. Т. 7. 2003. № 1.
- Гардинер 1965 – А. Гардинер. Различие между "речью" и "языком" // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965 (оригинал – 1935).
- Жирмунский 1963 – В.М. Жирмунский // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М., 1963.
- Зализняк 1967 – А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Коржинех 1967 – Й. Коржинех. К вопросу о языке и речи // Пражский лингвистический кружок. М., 1967 (оригинал – 1936).
- Медникова 1968 – Э.М. Медникова. Александр Иванович Смирницкий. М., 1968.
- Пашковский 1968 – А.А. Пашковский. Синтагматические границы слова в японском языке // Японская филология. М., 1968.
- Петерсон 1940 – М.Н. Петерсон. К вопросу о построении лексикологии // РЯШ. 1940. № 1.

- Ревзин 1967 – *И.И. Ревзин*. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.
- Реформатский 1954 – *А.А. Реформатский*. А.И. Смирницкий // ИАН СЛЯ. 1954. № 6.
- Реформатский 1970 – *А.А. Реформатский*. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Русско-английский 1948 – Русско-английский словарь / Под общим руководством А.И. Смирницкого. М., 1948.
- Серио 2001 – *П. Серио*. Структура и целостность. Интеллектуальные источники в центральной и восточной Европе. 1920-30-е гг. М., 2001.
- Смирницкая 2000 – *О.А. Смирницкая*. Александр Иванович Смирницкий. М., 2000.
- Смирницкий 1948 – *А.И. Смирницкий*. Некоторые замечания о принципах морфологического членения основ // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 5. М., 1948.
- Смирницкий 1952 – *А.И. Смирницкий*. К вопросу о слове (проблема "отдельности слова") // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М., 1952.
- Смирницкий 1954а – *А.И. Смирницкий*. К вопросу о слове (проблема "тождества слова") // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 4. М., 1954.
- Смирницкий 1954б – *А.И. Смирницкий*. Объективность существования языка. М., 1954.
- Смирницкий 1955а – *А.И. Смирницкий*. Древнеанглийский язык. М., 1955.
- Смирницкий 1955б – *А.И. Смирницкий*. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Смирницкий 1956 – *А.И. Смирницкий*. Лексикология английского языка. М., 1956.
- Смирницкий 1957 – *А.И. Смирницкий*. Синтаксис английского языка. М., 1957.
- Смирницкий 1958 – *А.И. Смирницкий*. Морфология английского языка. М., 1958.
- Смирницкий 1965 – *А.И. Смирницкий*. История английского языка (средний и новый период). М., 1965.
- Смирницкий, Ахманова 1952 – *А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова*. Образования типа *stone wall, speech sound* в английском языке // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. II. М., 1952.
- Стеблин-Каменский 1957 – *М.И. Стеблин-Каменский*. Несколько замечаний о структурализме // ВЯ. 1957. № 1.
- Хомский 1972 – *Н. Хомский*. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972 (оригинал – 1965).
- Щерба 1931 – *Л.В. Щерба*. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Изв. АН СССР. Серия общественных наук, 1931.
- Щерба 1945 – *Л.В. Щерба*. Очередные проблемы языковедения // ИАН СЛЯ. 1945. № 4–5.
- Gardiner 1932 – *A. Gardiner*. The theory of speech and language. London, 1932.